

ский, аполитичный вид. Но, разумеется, речь идет только о внешнем виде, который должен несколько замаскировать реакционное содержание журнала. Среди массы чисто описательных статей, крохоборчески смакующих какой-нибудь фрагмент сосуда, то тут, то там помещены статьи, в которых ясно видна реакционность буржуазной историографии; и одни и другие статьи свидетельствуют о тунике буржуазной науки. Статьи археолого-искусствоведческого характера ярко отражают бесперспективность представителей буржуазной историографии, растрачивающих свою эрудицию на второстепеннейшие задачи, и показывают поражающую узость интересов буржуазных «эрудитов». Стремление уйти от разрешения крупных исторических проблем и попытка направить историографию по ложному, формально описательному пути — такова реакционная сущность этих внешне аполитичных статей.

Статьи по истории культуры и общеисторические статьи, написанные тоже в присущей JHS академической манере, более открыто служат реакционным целям современных империалистов. Как мы видели, в ряде статей «иррациональное», «бессознательное» принимается как основной фактор общественной жизни: проповедуется «неизменность человеческой природы» с ее «неизменной психологией». Фашизм «обнаруживается» еще у Платона, а сам Платон объявляется непревзойденным по глубине своих идей «вечным» идеалом мудреца. Восхваляются античные примеры «плодотворного сотрудничества» науки с войной. Прославляется «империализм» древних Афин и в особенности — Александра Македонского. На «примерах древности» проводится пропаганда «естественности» агрессии со стороны большого по размерам государства и «выгодности» для малого государства быть завоеванным большим хищником. Наконец, заявляется, что «зло» присуще «человеческой природе» и поэтому неискоренимо. Все свои черные дела и намерения современные империалисты пытаются оправдать, между прочим, ссылками на древность и на извечные свойства «человеческой природы».

За последние годы особенно усилились неприкрытые расистские тенденции, проявляющиеся в превознесении эллинизма и противопоставлении его ближневосточным народам, в игнорировании культуры народов Среднего Востока и т. д. Встречаются в JHS и открыто реакционные выпады, как, например, обзывание «бандитами» героических греческих партизан, не щадивших жизни для защиты своей родины от гитлеровского, а затем англо-американского ига, выпады против русской культуры в статье Миннза. Нечего и говорить о том, что журнал игнорирует существование советской исторической науки. Авторы JHS как будто не замечают существования англчных государств в Северном и Западном Причерноморье.

Проводимая в качестве аксомы модернизация древней истории имеет целью создать видимость извечности феодализма и как «венца общественного развития» — капитализма. Так, подобно своим американским собратьям, и английские буржуазные историки пытаются внести свою «лепту» в безнадежное дело спасения капитализма.

Н. Н. Пикус

M. HAMMOND. City-State and World State in greek and roman political theory until Augustus. Harvard University Press, 1951, 217 стр.

Среди вышедших за последнее время в США работ, так или иначе связанных с древней историей, книга «Город-государство и мировое государство в греческой и римской политической теории вплоть до времени Августа», автор которой известен трудом о принцепате Августа, привлекает внимание уже названием, напоминающим о лозунге современных реакционных американских политиков — «мировом государстве» (world-state). Содержание книги убеждает в том, что впечатление, возникающее при первом знакомстве с названием работы Хаммонда, не случайно и что вся книга,

якобы посвященная истории политических теорий древних, написана в сущности с одной единственной целью — обосновать и пропагандировать политическую программу американского империализма.

Причина появления таких книг, как названная работа Хаммонда, ясно выражена в рекламном очерке, сопровождающем книгу и рассчитанном на то, чтобы привлечь читателя и ознакомить его в общих чертах с ее содержанием. Уподобляя Хаммонда Шпенглеру и Тойнби—идеологам буржуазной науки периода заката капитализма, издатели пишут, что «все занимающиеся этой проблемой обращаются с возрастающим интересом к обществу греков и римлян в надежде найги здесь параллель, которая поможет осветить упадок других цивилизаций». Кризис современной капиталистической системы, упадок буржуазной «цивилизации» — вот, что побуждает Хаммонда обращаться за идеологическим оружием к древней истории.

Книга, как сообщает автор в предисловии, «предназначена не для специалистов в области политической теории у греков и римлян, а для всякого, изучающего всеобщую историю политических теорий». Иными словами, рассчитывая на широкий круг читателей, автор ставит своей целью популяризировать определенные идеи. Каковы же эти идеи, заслуживающие, по мнению Хаммонда, всеобщего распространения?

Основные мысли автора выражены во введении. Хаммонд пишет, что самый существенный урок, который современные исследователи могут извлечь из опыта древних, заключается «в духовной неспособности (intellectual inability) греков и римлян избавиться от господствующей концепции города-государства и найти теоретический базис для мирового государства, которое на практике стало необходимой формой политической организации» (стр. 2). Усматривая в этой «духовной неспособности» причину гибели древнего мира, Хаммонд открыто пропагандирует идею установления «мирового государства», возглавляемого США; он различает в дальнейшем лишь два пути: либо «мировое государство» (world-state), либо «разрушительная война» («застой и упадок цивилизации», по Тойнби). Основным препятствием на первом пути, на пути утверждения «мирового государства», является, по мнению Хаммонда, приверженность к национальным институтам, стремление к национальной независимости.

Хаммонд пытается подвести читателя к мысли, что космополитическая доктрина «мирового государства» и отказа от национальной независимости исторически оправдана. Материалы для своих рассуждений он черпает из древней истории, так как видит в ней аналогию современным событиям. Центральное место в исторической части книги Хаммонд уделяет конфликту, движущими силами которого, по его словам, были, с одной стороны, господство политической теории города-государства, подробно обоснованной Аристотелем и Платоном и развитой в эллинистический период в учении о «смешанной конституции», а с другой стороны,—острая необходимость отыскать теоретический базис для широких политических организаций, окрепших в эллинистический и римский период.

По содержанию книга распадается на две части. Первая из них, состоящая из четырех глав, посвящена зарождению и оформлению «ортодоксальной теории» города-государства у греков и причинам ее победы над остальными теоретическими исканиями греков; попутно излагаются некоторые исторические факты, оттеняющие, по мнению автора, развитие греческой политической теории. Во второй части, имеющей семь глав, автор рассматривает вопрос о том, кем, когда и в каком виде «ортодоксальная теория» города-государства была перенесена на римскую почву; в силу каких причин «традиционная теория» господствовала и в поздне-республиканский период в Риме; наконец, автор довольно подробно останавливается на теоретических установках Цицерона и их влиянии на принципат Августа.

Хаммонд приходит к следующим выводам: зарождение «ортодоксальной теории» города-государства относится к отдаленной эпохе. Так, например, даже у Гомера, в описаниях власти базилика, ограниченной советом старейшин и собранием воинов, автор различает некий реальный прообраз «смешанной конституции».

В качестве основных принципов теории города-государства, получившей свое полное выражение в трудах Платона, Аристотеля и перипатетиков, Хаммонд выделяет четыре (стр. 26 сл.): «Во-первых, человек — животное общественное — может достигнуть высшего самосовершенства только в разумно организованном обществе. Во-вторых, это разумно организованное общество должно быть экономически самоудовлетворяющейся и политически суверенной общиной, достаточно маленькой, чтобы всем полноправным гражданам принимать прямое участие, согласно с их данными, в ее политической жизни. В-третьих, лучшая форма правления для такого общества есть та, которая обеспечивает полную свободу функций трем традиционным элементам; административную функцию — должностным лицам, представляющим монархию; совещательную функцию — совету, представляющему аристократию; законодательную функцию — народному собранию, представляющему демократию. В-четвертых, наиболее стойкий из этих трех элементов — аристократический, состоятельный класс, который имеет средства и досуг, чтобы посвящать себя публичным делам, и у которого, следовательно, остается верховное руководство этими делами».

Намеченная Платоном и Аристотелем, «ортодоксальная теория» города-государства окончательно оформилась в эллинистический период, когда она уже не отвечала, по мнению Хаммонда, уровню политического развития общества. Автор констатирует, что созрел, таким образом, «роковой конфликт» между господствовавшей точкой зрения и реальными политическими потребностями и перспективами общества. Причина этого конфликта заключалась, по Хаммонду, в господстве авторитета и традиций, характерном для греческой и римской цивилизации во всех отношениях. Именно консервативным характером греков и римлян склонен автор объяснять «тиранию ортодоксальной концепции города-государства» (стр. 16) над политической мыслью в эллинистическо-римский период.

Полибий приложил «ортодоксальную теорию смешанной конституции» к Римской республике. Будучи признана наиболее верным приближением к теоретическому идеалу, римская конституция была канонизирована.

Острая необходимость, полагает автор, привести форму римского управления в соответствие с новыми условиями жизни, с господством Рима над колоссальной территорией вызвала попытку Цезаря открыто порвать с «ортодоксальной теорией» и встать на точку зрения «мировой империи». Однако приверженность умов к «ортодоксальной теории» была так сильна, что открытый «революционный путь» Цезаря по этой причине оказался обреченным на неудачу. Только компромисс, осуществленный на практике Августом, мог временно разрядить напряженную ситуацию. Теоретическое обоснование этому компромиссу, считает автор, создал Цицерон. По своим убеждениям традиционалист — Цицерон, как пишет автор, оставался верным последователем «ортодоксальной теории», которую он дополнил в связи с новыми условиями учением о *principes*'e. «Если Цицерону недоставало признания новых возможностей за верховной миссией Рима, то, тем не менее, он проложил путь, чтобы реализовать эти возможности — скорее при помощи компромисса, чем революции. Компромисс Августа сочетает наследие Цезаря, выраженное в монархии, с наследием Цицерона — восстановленной Республики, направляемой авторитетом ее первого гражданина — *Respublica restituta* и *auctoritas principis*» (стр. 139). И далее, характеризуя принципат Августа, Хаммонд отмечает: «Восстановленная республика Августа представляет тесное приближение к конституции Цицероновой, Республики» и ортодоксальной греческой теории. Это, по существу, республиканские институты плюс не монарх, а скорее премьер-министр» (стр. 158). Ошибка Августа, по мнению Хаммонда, состояла в том, что в теоретическом оформлении принципата попрежнему не была преодолена старая концепция города-государства.

В качестве вывода Хаммонд констатирует (стр. 160), что политической теории был брошен вызов, порожденный необходимостью управлять зоной более широкой, чем самоудовлетворяющийся город-государство, и что неспособность политических мыслителей эллинистическо-римского периода принять этот вызов была недостатком более существенным, чем успехи или неудачи в практическом решении новых нужд

управления. В этом неразрешенном и во времена Римской империи конфликте состояла, по мнению Хаммонда, основная причина падения древнего мира.

Таковыми рассуждениями откровенный идеолог американского империализма пытается подвести читателя к выводу, оправдывающему современную политику США. Он продолжает (стр. 165): «Урок, который можно извлечь из основного недостатка классической цивилизации в ее фазе мирового государства, заключается в том, что застой неизбежен, когда ортодоксальная политическая теория не прогрессирует в соответствии с изменившимися политическими условиями. В наши дни национальная суверенность доминирует в политическом смысле так же крепко, как смешанная конституция в классическом мире. Только тогда, когда индивидуумы во всем мире смогут представить себе гражданство и участие в политической жизни в рамках, более широких, чем нация, „мировое государство“, от которого берет начало эта дискуссия, будет реализовано в каком-либо плодотворном смысле. Альтернатива — это то, что было представлено римлянами, — управление идущее сверху и подрываемое самими управляемыми. Такое управление исторически означает, — по словам Тойнби, — застой и упадок цивилизации».

Такова идея, во имя утверждения которой написана вся книга; именно ради «доказательства» этой идеи автор ссылается на Аристотеля и Цицерона, привлекает натянутые исторические аналогии и пытается обмануть читателя фальсификацией фактов и ложными умозаключениями.

Политические теории древних, различно освещавшие проблему государства, имевшие целью объяснить его сущность, формы и развитие, ярко отразившие противоречия своего времени, классовую и политическую направленность их авторов, составляют интересный и сложный объект исторического исследования.

Однако книга Хаммонда — не историческое исследование, освещающее одну из проблем развития идеологии древнего мира. Грубая маскировка автора не скрывает подлинную сущность книги. Перед нами произведение, в котором древняя история использована в узкополитических целях для проведения реакционной догмы современного американского империализма. Будто бы опираясь на опыт древней истории, стремится автор убедить читателя в том, что только ценой отказа от национальной независимости, ценой добровольного подчинения американскому империализму может быть спасена современная «цивилизация». В противном же случае она погибнет точно так же, как погибла когда-то античная цивилизация из-за приверженности греков и римлян к тесным рамкам города-государства.

Стоит обратить внимание и на тот оттенок сомнения, неуверенности в могуществе американского оружия, который сквозит в словах Хаммонда, откровенного апологета американского империализма. Если народы мира не захотят отказаться от своего национального суверенитета, с ужасом констатирует автор, то никакими силами военного принуждения не предотвратить неизбежной гибели современной «цивилизации», т. е., иными словами, — гибели империализма. С целью предупреждения этой возможности, с целью идеологического порабощения народов, с целью воспитания их в духе безропотного подчинения правительству США и написана, в действительности, книга Хаммонда.

Смутно сознавая недолговечность и непрочность современного буржуазного мира, Хаммонд ищет средства защитить его. Он надеется запугать читателей угрозой гибели «цивилизации и прогресса», он обращается к историческому прошлому, стремясь в нем почерпнуть подтверждение своим мыслям. Но в его книге история открыто фальсифицирована во имя реакционной политической доктрины.

Анализируя построения Хаммонда в области древней истории, недостаточно признать их идеалистическими, хотя, разумеется, его концепция об имманентном развитии идей или утверждении, что господство определенной мысли привело древний мир к упадку, или что приверженность греков и римлян к теории города-государства объяснялась их консервативным характером, не могут быть восприняты иначе, как идеалистические. Следует подчеркнуть, что ярко выраженное идеалистическое толкование древней истории у Хаммонда целиком зависит от его политической про-

граммы. Именно в аспекте его политических целей надлежит рассматривать его концепцию.

Действительно, в области современной политики автору было бы чересчур опасно углубляться в причины роста национального самосознания народов мира. Безудержный колониальный гнет, хищническая эксплуатация зависимых стран империалистическими державами — эти и другие факты, способствующие подъему национального самосознания в массах, сами по себе агитировали бы против лозунгов, призывающих отказаться от национальной независимости. Вот почему он обходит молчанием причины роста национального самосознания в наши дни. Поэтому и в древней истории, в которой Хаммонд видит аналогию современной, он не решается обратиться к подлинным причинам развития политической теории — к классовой борьбе в ее различных формах, а довольствуется наивно-идеалистическими объяснениями, имеющими целью ввести в заблуждение читателя.

Актуально-политические цели защиты американского империализма определяют собой положения и выводы Хаммонда. В его книге не найти оценки события, данной с точки зрения исторической обстановки своего времени. Его единственный «исторический» критерий — это США. Так, например, даже афинскую конституцию автор сравнивает с конституцией США, причем отмечает (стр. 12), «несовершенство» первой по сравнению со второй. У апологета буржуазии ненавидящего народные массы, даже афинская демократия вызывает осуждение, поскольку она, по словам Хаммонда, «означала систему правления масс в интересах масс». Существенным минусом античной цивилизации он признает то обстоятельство, что ей была неизвестна избирательная система США (стр. 165 и др.).

Неисторический подход к историческим событиям, субъективные суждения, продиктованные требованиями империалистов США, характеризуют книгу Хаммонда. Тщетно стремится он убедить читателей, что рассматривает особенности греко-римской политической теории, исходя из ее исторической основы. Исторический фон ограничен у него лишь банальными сведениями из политической истории, да формально-юридическим обзором афинской и римской конституции. Не вскрывая глубокого конкретно-исторического содержания в многообразных теоретических поисках греческих и римских мыслителей, автор довольствуется их поверхностным описанием. Он не замечает и не желает замечать, как различны были эти поиски, отразившие собой разные периоды античности, различную классовую и политическую направленность писателей, идейную борьбу и т. д. — все то сложное и запутанное целое, которое представляет собой история рабовладельческого общества. Хаммонд, по существу, подменяет историю политической мысли греков и римлян описанием некой постоянной «ортодоксальной политической теории города-государства», которую он проводит чуть ли не от времен Гомера через Аристотеля к Цицерону.

Рецензируемая книга — явление далеко не единичное в новейшей американской исторической литературе. Опасения за свою будущность и потому обращение к прошлому за ответом на «проклятые вопросы» современности, за рецептами для политики сегодняшнего дня; превращение исторической науки в орудие буржуазной политики, а буржуазных историков в проповедников любых реакционных идей (в данном случае — космополитизма); подмена истории публицистикой; полнейший субъективизм: в суждениях — все эти типические черты, присущие книге Хаммонда, отражают общий кризис современной буржуазной исторической науки.

М. К. Трофимова